

Вырезка из газеты

ПРАВДА УКРАИНЫ

- 8 МАЯ 1980

г. Киев

**К**ОНЕЦ июля 1941 года наша 26-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко обороняла Киев с юго-запада. Ее штаб находился тогда в селе Степанцы неподалеку от Канева. Вражеские войска уже вышли к Василькову, Фастову и Белой Церкви. Танки группы Клейста теснили 5-й кавалерийский корпус генерала Ф. В. Камкова и части 6-го стрелкового корпуса.

Мне был дан приказ: любой ценой разыскать и вывести на Белую Церковь — Мироновку два наших мощных бронепоезда № 55 и № 56. Их огневая мощь очень помогла бы нам в борьбе с вражескими танками в зоне железной дороги.

Вскоре со станции Ольшаница по телефону я докладывал генералу Ф. Я. Костенко о выполнении приказа. В комнате дежурного стоял неизвестный мне человек, что-то быстро записывая. Потом он шагнул ко мне и представился:

— Корреспондент фронтовой газеты и «Комсомолки» Гайдар.

Посоветовал ему добираться в Канев, а оттуда — в Степанцы. Гайдар поблагодарил и спросил:

— А не стоит ли мне остаться тут до подхода вашего «Борис Петровича»? Хорошо вы назвали бронепоезд.

Что ответить ему? Ведь в 3—5 километрах отсюда — ожесточенный бой. В комнату, между тем быстро вошел генерал В. Д. Крюченкин, командир 14-й кавдивизии. Я представился. «Знаю, что ты здесь», — прервал меня генерал и велел всем освободить комнату. Гайдар остался.

— А вы, любезный, особого приглашения ждете? — обратился к нему генерал, но, взглянув в лицо, вдруг улыбнулся и крепко пожал ему руку со словами: «Извини, Аркадий Петрович, не узнал тебя сгоряча. Никогда не ожидал подобной встречи здесь».

Тут раздался звонок селекторного телефона. Вызывала Белая Церковь. Командир БП № 56 старший лейтенант П. К. Ищенко докладывал: бронепоезд в районе Фастова отбил все вражеские атаки, прибыл в Белую Церковь, заправляется, через 5—10 минут выходит на Ольшаницу...

А на подступах к станции все жарче разгоралась кров-

пролитная схватка. Измученные кругосутчными боями конники 5-го кавкорпуса и солдаты разрозненных стрелковых частей отходили к Ольшанице. Назревал критический момент.

Единственная надежда на бронепоезд. До его прибытия надо удержаться. Все имевшиеся здесь «сорокапятки» были выдвинуты на правый фланг, чтобы немного прикрыть отход конницы за линию железной дороги. Конники отводили лошадей в посадку, спешивались и со связками гранат и бутылками горючего занимали обо-

пехота отходят по приказу на новый рубеж за речкой Росавой, в районе Мироновки. Кавалеристы салютуют бронепоезду клинками и кричат:

— Спасибо за выручку! В долгу не останемся!

К Мироновке идет и БП № 56. Тула же, через Цветоху — Корсунь-Шевченковский следует и БП № 55 под командованием капитана И. А. Судакоса.

В Мироновке ночевка. Но никто из нас не спал. Сидели за столами, говорили о бое в Ольшанице, о замечательном

— О, да вы еще тогда были тимуровцами! — воскликнул Гайдар.

— Нет, тимуровцами мы не были, а вот «ЮКами» стали.

О «ЮКах» — «юных коммунистах», как называл детские отряды сам Г. И. Котовский. Гайдар, оказывается, не знал. По инициативе Григория Ивановича такие отряды были созданы при детских домах в Ананьеве, Вознесенске, Балте, Березовке и Одессе.

— Вот хорошо! — сказал Гайдар. — Буду в Киеве на слете тимуровцев, обязательно расскажу об этом. Ребята будут довольны.

Аркадий Петрович многое записывал своим четким почерком. Писал быстро. У него всегда с собой были две записные книжки: маленькая, хранившаяся в нагрудном кармане гимнастерки для заметок о том, что видел и что узнал за день, и вторая, большая, по типу общей тетради, которую он носил в офицерской полевой сумке. Последней он особенно дорожил и называл ее своей «корреспондентской скринькой», «золотым фондом для будущего». Тула по вечерам или же в краткие перерывы между боями заносились более подробные записи, работать над ними он мог даже под грохот орудий. Многие были записаны со слов самих героев боев. Мне он как-то дал совет:

— Все героическое, интересное, правильное записывай хотя бы вкратце. Это пригодится, если не тебе, то людям. Когданибудь не станет очевидцев, а записи — живы на века...

Вместе с ним мы побывали в Каневе, когда на подступах к городу уже завязались бои, посетили могилу Т. Г. Шевченко. Штаб армии к тому времени уже переместился на левый берег Днепра.

Слет тимуровцев в Киеве состоялся 5 августа 1941 года. Гайдар был на нем и на следующий день возвратился, уже по левому берегу, верный своему долгу писателя-воина. Вскоре нам пришлось расстаться — я был ранен и эвакуирован. Прибывшие позже в тот же госпиталь бойцы 5-го кавкорпуса сообщили, что Гайдар 18 или 19 августа уезжал из села Леплявы в Киев, но должен был скоро вернуться. Больше я о нем не слышал.

И. АРТЕМЕНКО.

Полковник в отставке.

Харьков.

## ВСТРЕЧИ С А. ГАЙДАРОМ

рону в кюветах. Надолго ли смогут они задержать танки? Где же «Борис Петрович» со своими длинноствольными орудиями и счетверенными пулеметами? Ведь это мощный артиллерийский плюс пулеметный батальон, поставленные на колеса.

Но вот, гремя броней, БП № 56 подкатывает к перрону. Командир — старший лейтенант П. К. Ищенко и комиссар — младший политрук В. П. Казарин соскакивают со ступеньки броневанагона.

— Какое боевое задание? — спрашивает Ищенко.

— Остановить противника!

И, как на учениях, старший лейтенант отвечает:

— Есть остановить противника!

«Борис Петрович» ушел на перегон и открыл шквальный оружейный огонь по танкам и пулеметный — по вражеской пехоте. Первыми двумя залпами подбиты и подожжены три фашистских танка. Горят еще четыре... Еще два. И еще два! Остальные ретируются.

Все время вместе с нами на бронепоезде находился Гайдар — наблюдал из рубки комиссара бой, успевал делать записи в своей книжечке.

Задача выполнена. Вывавшиеся из окружения конница и

успехе экипажа БП № 56, в котором 11 коммунистов и 78 комсомольцев. Гайдар вспоминал, как он воевал здесь же, под Фастовом, в 1919 году — тогда пехоту тоже выручил один из бронепоездов.

А утром — опять жестокий бой. Враг пытался взять реванш за вчерашнее. Оборону держали 97-я стрелковая и две кавалерийские дивизии и другие части. Противник понес большие потери и отошел. С А. П. Гайдаром мы не виделись почти два дня: он все время был на линии огня. Встретились, когда наступило временное затишье.

Мы уехали с ним в скверике на земле под тенистой плакучей ивой. Впервые удалось побеседовать по душам часа два. Гайдар читал свои записи, сделанные по первым впечатлениям, интересовался моим мнением. Стал расспрашивать о моем детстве.

— Детства, Аркадий Петрович, у меня не было...

И я рассказал ему, как со сверстниками, детьми времен гражданской войны, дружили мы с красными кавалеристами-котовцами и старались всем, что было в наших силах, помогать им. Ухаживали за ранеными лошадьми, здоровых водили на водопой.